

Власть и общество

ОСОБЕННОСТИ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

О.А. Игнатьева

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: *Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий в конце XX – первой четверти XXI веков привело к формированию сначала сетевого, а затем цифрового общества, которое вышло за рамки национальных границ государства. Властные отношения в национальном государстве также претерпели свои изменения. Положение национальных элит стало менее устойчивым, как и легитимность принимаемых ими решений, в виду доминирования транснациональных структур, базирующихся на возможностях телекоммуникационных сетей. Власть вышла за пределы национальных границ и сосредоточилась в руках тех, кто доминирует в глобальных сетях и владеет глобальными цифровыми платформами. На смену понятия индустриального капитализма пришло понятие транснационального империализма. Однако власть в социальных сетях обладают не только национальные государства, но и общественные движения, которые рассматриваются в терминологии М. Кастельса, как контрвласть. Целью данного исследования является выявление особенностей властных отношений в цифровом обществе как на национальном, так и на глобальном уровне.*

Ключевые слова: *власть, информационно-коммуникационные технологии, сетевое общество, цифровое общество, транснациональный империализм, контрвласть.*

Введение

Власть является ключевым феноменом, характеризующим отношения не только в политической, но и во всей социальной системе. Властные отношения являются реляционными и основываются либо на возможности применять насилие для сохранения доминирования [Weber 1978: 911], либо посредством дисциплинарного дискурса [Фуко 2000: 37]. Некоторые учёные понимают власть как коммуникацию. Такой подход к анализу власти можно найти в работах Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, Н. Лумана, М. Кастельса. В эпоху цифровизации меняется отношение к власти, так как сфера её распространения выходит за национальные границы государства, используя возможности информационно-коммуникационных сетей. Если ранее общество характеризовалось общей исторической идентичностью и территорией проживания, то под влиянием цифровых технологий в начале XXI века сформирова-

лось новое сетевое общество. «Сетевое общество – это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведённой в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» [Кастельс 2020: 70]. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей властных отношений в цифровом обществе на уровне национального государства и наднациональных структур.

Власть в цифровом обществе

Понятие цифровое общество приходит на смену более раннему понятию сетевого общества и зачастую является неким расширением последнего посредством использования коммуникационных сетей, больших данных, искусственного интеллекта и алгоритмизации политического управления. У. Бек полагает, что «цифровое конструирование мира возникает как результат распространения цифровых коммуникаций, гибридизации онлайн- и офлайн-пространств, использования технологий больших данных» [Добринская 2021: 113]. Цифровое общество – это общество глобальное, включающее в себя сети разных сфер деятельности: финансовых рынков, транснационального производства, науки и образования, массмедиа, международных организаций, транснациональных общественных движений. «Глобальное» означает отсутствие границ, а следовательно невозможность трактовки власти в её традиционном смысле, как власти внутри государства.

М. Кастельс в своей работе «Власть коммуникации» (2013) вводит понятие сетевого государства, соотносимого с его понятием «сетевого общества». По мнению Кастельса, «сетевое государство характеризуется разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами с предыдущей формой национального государства» [Кастельс 2020: 86]. Данное определение указывает на то, что в эпоху цифровизации национальное государство не исчезает и не растворяется в глобальном сетевом государстве. Оно сохраняет свои интересы и цели и пытается использовать возможности, которые даёт межгосударственная сеть и коммуникационные технологии для того, чтобы укрепить свои позиции на международной арене. Следовательно, поскольку понятие сетевого государства носит эфемерный характер, то и понятие космополитического гражданства является лишь идеей, мечтой некоторых философов. Таким образом, сетевое государство – это лишь некоторый конструктор, конгломерат национальных государств и других социальных образований. «Только власть глобального гражданского общества, воздействующего на общественное сознание через медиа и коммуникационные сети, могла бы преодолеть историческую инерцию национальных государств и вынудить эти национальные государства согласиться с реальной ограниченностью их власти в обмен на возрождение их легитимности и эффективности» [Кастельс 2020: 88].

Но какой тип власти присутствует в цифровом обществе, которое растворяет национальные границы государства? Ведь он будет явно отличаться от традиционного типа власти. Несомненно, что национальное государство внутри своих границ сохранит присущей ему тип власти, основанный на возможности применения насилия и использовании дисциплинарного дискурса, характерного для вертикальных отношений индустриального общества. Однако наличие транснациональных сетей и включенность в них национальных государств уменьшает возможности доминирования правящей элиты в национальных государствах.

М. Кастельс выделяет четыре типа власти, характерные для современной эпохи. Это сетевая власть, власть сети, власть в сети и сетесозидающая власть. «Сетевая власть относится к власти акторов и организаций, включённых в сети, которые конструируют ядро глобально-

го сетевого сообщества в человеческих коллективах или среди индивидов, которые не включены в эти глобальные сети» [Там же]. Эта власть осуществляется акторами или организациями по типу включения/исключения из сети. Влиятельный актор/организация/государство могут сформировать вокруг себя сеть из акторов, обладающих ценными ресурсами и затем отслеживать недопущения в сеть менее ценных акторов или тех, кто может разрушить ценностное единство сети.

Власть сети означает социальную координацию деятельности акторов и осуществляется путём установления правил включения, отражённых в стандартах. Чем более сеть открыта для включения новых акторов, тем больше возможность для обсуждения правил включения в сеть. Власть сети – это власть стандартов самой сети над её компонентами. Но эта власть в итоге благоприятствует совокупности социальных акторов, стоящих у истоков формирования сети и установления стандартов [Кастельс 2020: 90].

Следующий тип власти – это власть в сети. Ею обладают наиболее влиятельные акторы, занимающие в сети центральные позиции. Их мнение, оценки и решения становятся общеобязательными для других менее влиятельных акторов. Например, в глобальных финансовых сетях такой властью обладают Международный валютный фонд и признанные рейтинговые агентства такие, как Moody's, Standard and Poor's. В международных глобальных сетях государства в зависимости от их экономического и военного положения обладают определенным влиянием, но не всеобъемлющей властью.

По мнению М. Кастельса, наиболее важный тип власти – это сетесозидающий тип, который можно дифференцировать как действия по программированию сети, так и действия по переключению. Эти два механизма позволяют установить контроль над системой социальных сетей. Первый механизм означает способность создания сети и программирование её работы для достижения поставленных целей. Коммуникация в социальной системе, также как и сети, делающие возможным данный процесс коммуникации становится той основной сферой, где формируются глобальные и локальные проекты, а также образуются заинтересованные в этих проектах группы.

Второй механизм, создающий сеть – это переключение, которое позволяет установить контроль точек соединения между различными важными сетями. Например, переключатели могут контролировать точки связей между научными и корпоративными сетями, создавая возможность для обмена информацией и ресурсами, когда одни получают рабочие места для своих выпускников, а другие знания и технологии, повышающие эффективность бизнеса.

М. Кастельс полагает, что в сетевом обществе отсутствует глобальная элита и только «программисты» и «переключатели» могут претендовать на роли влиятельных узлов в сети, т.е. обладать наивысшей формой власти в сетевом обществе.

Таким образом, в условиях цифровизации на первое место выходит возможность осуществления сетевой власти, а именно в контексте создания или объединения сетей. Власть национального государства не исчезает, но становится менее влиятельной в условиях существования глобальной сетевой власти.

Глобальное доминирование национальных государств в условиях цифровизации

Крушение социалистического блока и Советского Союза стало последней возможностью для капиталистических корпораций захватить новые рынки сбыта и резко увеличить свои доходы. Начало нового столетия ознаменовалось не только распространением транснациональных корпораций в глобальном масштабе, но и укреплением новых информационно-коммуникационных технологий в бизнесе, обществе и в государственном управлении. Пантич и Гиндин утверждают, что «как только американское государство двинулось в этом на-

правлении, оно получило новый статус: капитализм эволюционировал в новую форму социального правления, которая обещала и в значительной мере обеспечила (а) возрождение производственной базы американского господства; (б) универсальную модель восстановления условий для получения прибыли в других развитых странах; других развитых странах; (в) экономические условия для интеграции глобального капитализма» [Pantich, Gingin 2004: 35–36].

В начале 2000-х гг. транснациональные корпорации в сфере электроники, логистики, нефтедобычи с реальными активами стали уступать свои позиции транснациональным корпорациям, набиравшим влияние в Интернете, – цифровым платформам, таким как Google, Facebook, Amazon, Microsoft.

Власть транснациональных корпораций за счёт сверхдоходов начинала соперничать с властью национальных государств, в которых находились либо их штаб-квартиры, либо представительства. Некоторые исследователи стали полагать, что государство в итоге утрачивает свои позиции как субъект международных отношений. Однако впоследствии это оказалось не так. «Неолиберализм подчёркивает уменьшение роли государства, чтобы гарантировать максимальную прибыль частного сектора. В то время как некоторые страны придерживаются режима малого государственного вмешательства в реализации неолиберальной глобализации, некоторые страны не следуют этой логике. Вместо этого такие страны, как Канада, Китай и Корея, усилили роль государственного регулирования в нескольких областях, особенно в сфере цифровых/социальных технологий в связи со значительной ролью платформ в их странах» [Jin 2015: 94].

Национальные государства не только сделали бизнес транснациональных корпораций статьёй доходов, разрешая лоббистскую деятельность данных корпораций для продвижения своих интересов в сфере законодательного регулирования, но и научились использовать бизнес-стратегии этих корпораций для продвижения своего глобального влияния во всем мире. «В 2013 г. Google потратила на лоббирование 14,06 миллионов долларов, что на 14,7 % меньше, чем в 2012 г., когда компания стала объектом антимонопольного расследования Федеральной торговой комиссии» [Ibid: 90]. Особенно это касалось движения платформенных корпораций США за свободный, бесцензурный Интернет. «Принцип – жизненно важный для всемирного экспорта американского культурного продукта и американского образа жизни – стал универсальной ценностью как для информационной индустрии, так и для правительства США» [Schiller 2005: 440]. Приверженность данному принципу означала распространение не только капиталистического, но и идеологического влияния на другие страны мира, особенно в рамках глобального цифрового разрыва. Так, начал формироваться платформенный империализм, означавший слияние интересов государственной власти США и бизнес-интересов цифровых платформ.

Распространение Интернета и информационно-коммуникационных технологий послужило усилению глобального доминирования Соединённых Штатов в других странах мира. Теперь такая форма цифровизации служила укреплению глобальной власти отдельно взятого национального государства, в котором находилась штаб-квартира соответствующей платформы (платформ). «Согласно платформенному империализму, контроль, владение, известные как глобальное управление, направляемые мощными институтами, отдаётся промышленно развитым странам со свободным рынком» [Jin 2015: 89].

Цифровые платформы становятся новым типом сосредоточения глобальной власти. На место ТНК с реальными активами приходят цифровые платформы с виртуальными активами. Рейтинг наиболее влиятельных глобальных цифровых платформ можно посмотреть с помощью индекса RDR на сайте <https://rankingdigitalrights.org/index2020/> [2020 Ranking Digital Rights... б/г]. Первые места рейтинга занимают американские глобальные цифровые плат-

формы: Twitter, Microsoft, Google, Facebook. На восьмом месте рейтинга находятся российские IT-гиганты: Mail.ru, Yandex. Несмотря на то, что они являются коммерческими структурами, государства, где расположены штаб-квартиры данных компаний, рассматривают их как возможность распространения своего влияния и ценностей на другие страны. Как следствие, они оказывают поддержку на государственном уровне глобальным цифровым платформам с привлечением соответствующих государственных организаций. В качестве примера можно привести конфликт Китая и США по поводу цензуры контента и кибератак со стороны правительства Китая на Google.cn и уход Google из Китая. Защиту интересов Google на государственном уровне США объясняли необходимостью защиты прав и свобод человека, основными носителями и защитниками которых является Америка. К защите интересов платформенной корпорации Google был привлечён государственный департамент и ряд правительственных агентств США. По меткому выражению Хартнетт, «воинствующий гуманизм госсекретаря Клинтон был основан на ряде предположений об американской исключительности: мы являемся моральными лидерами мира, его технологическими и корпоративными хозяевами и единственной нацией, способной и желающей обеспечить верховенство закона» [Hartnett 2004: 415].

Однако не только государственный департамент США и Конгресс занимаются защитой интересов платформенного бизнеса с целью усиления своего глобального влияния, другие страны, обладающие развитыми цифровыми технологиями, тоже покровительствуют платформенному бизнесу, пытаясь защищать его от влияния американских глобальных платформ. «В разгар конфликта между китайским правительством и Google китайское правительство ограничило обсуждение в Google тем, которые правительство считает неприемлемыми, например, стремление к независимости в регионах Тибет и Синьцзян, а также запрещённое религиозное движение Фалуньгун» [Jin 2015: 84]. Защита информационного пространства КНР при помощи цензуры и государственного регулирования создала возможность для создания собственных глобальных цифровых платформ: Baidu, QQ, Taobao – и распространения культурных ценностей Китая в его зоне влияния.

Чуть позже подобной стратегии стала придерживаться и Российская Федерация, осознав всю опасность для сохранения государственности свободного, бесцензурного Интернета. В 2019 г. был принят закон «О суверенном Интернете» [Федеральный закон... 2019], направленный на создание маршрутизации интернет-связи, централизованных инструментов управления, разработку мер безопасности в случае отключения рунета от глобальной Сети. Есть надежда, что реализация данного закона облегчит глобальную конкуренцию нашим лидерам платформенного бизнеса: Yandex, Mail.ru, VKontakte.

Великобритания также решила установить барьеры нерегулируемому потоку информации в Интернете, приняв в апреле 2019 г. Белую книгу – сборник нормативно-правовых актов, направленных на контроль контента в Интернете и своевременное удаление опасных сообщений. Регулирование на основании данного документа будет производить независимый регулирующий орган Великобритании – Ofcom. «Ofcom, регулятор связи в Великобритании, будет нести ответственность за устранение «кодексов практики» с подробным описанием того, как компания должна выполнять эту новую обязанность. При этом также ожидается внедрение систем и процессов для повышения безопасности пользователей и их услуг, включая механизмы отчётности и возмещения ущерба» [Haggart, Keller 2021: 12].

Таким образом, глобальная власть строится на взаимосвязи интересов национальных государств, под юрисдикцией которых находятся штаб-квартиры соответствующих транснациональных корпораций, и самих транснациональных корпораций. Особенно ярко это проявляется при сотрудничестве государства с транснациональными платформенными организациями в феномене, получившем название «платформенный империализм». Возможность гло-

бального идеологического доминирования, легитимируемая распространением ценностей соответствующего национального государства, оказывает влияние на стабильность в обществе и поддержку государственной власти широкими слоями национальной общественности. Государственная власть и платформенная корпорация связаны взаимными интересами: цифровая платформа получает законодательные преференции и поддержку национального государства на международном уровне, в то же время последнее получает постоянный источник дохода и возможность идеологического влияния на другие страны в планетарных масштабах.

Особенности продвижения контрвласти в цифровом обществе

В цифровом обществе наряду с властью действует контрвласть, которая активно использует социальные сети и мобильную связь для сопротивления реально существующей национальной или наднациональной власти. В качестве примера реализации контрвласти в цифровом обществе рассмотрим события 11.03.2004, связанные с терактом в Мадриде, а также особенности формирования общественного движения BLM (Black Lives Matter), которое уже на протяжении десяти лет влияет на общественное мнение в США.

Одним из первых способов проявления негодования в отношении существующей власти с использованием цифровых технологий, стали массовые протесты накануне выборов в Мадриде в 2004 году. 11 марта 2004 года в пригороде Мадрида террористами было взорвано 4 пассажирских поезда исламистами Аль-Каиды. Это было выражением протеста против участия Испании в качестве союзника США в войне в Ираке. На стороне США и за продолжение войны выступал правящая в то время Народная партия Испании (Partido Popular) и её премьер-министр Аснар. Массовые жертвы теракта, подавленность жителей Испании, общая боль встретили манипуляции со стороны правительства, которое, чтобы не потерять голоса на выборах 14 марта 2004 года, бездоказательно объявила о том, что взрывы в Мадриде дело рук баскской радикальной сепаратистской организации ЭТА. Дезинформация населения продолжалась до субботы 13 марта 2004 г. (официального дня молчания перед выборами). Однако в эти дни через Интернет и радио в общественное сознание начала просачиваться информация о том, что теракт – это скорее всего дело рук Аль-Каиды, мстившей Испании за участие в войне в Ираке.

Вечером 13 марта 2004 года один из молодых жителей Испании направил сообщение своим друзьям по мобильному телефону, в котором сообщалось, что теракты – это дело рук исламистов и что Аснар скрывает это от жителей Испании для того, чтобы остаться у власти. В сообщении также говорилось о необходимости переслать его своим десяти друзьям и собраться вечером у штаб-квартиры Народной партии (Испании). Информация также дублировалась в Интернете. Вечером центре Мадрида собралось свыше пяти тысяч человек, возмущённых циничным поведением правительства в дни массовой скорби испанцев. Массовые протесты охватили и другие города Испании. Так впервые в истории массовых движений была использована сотовая связь и Интернет. Если ранее в истории массовые движения сталкивались с проблемой горизонтальной коммуникации между повстанцами в разных городах, то мобильные телефоны и Интернет решили эту проблему. «Сетевая форма распространения сообщений имеет особое значение, поскольку, если каждый получатель становится отправителем сообщения через мобильный телефон с помощью его/её запрограммированной адресной книги или его/её круга общения, сообщение определяется получателем как исходящее от известного источника» [Кастельс 2020: 411]. Это порождает доверие со стороны получателя к присланному сообщению, а следовательно, эмпатию и готовность к действиям.

В результате массовых протестов в Мадриде в 2004 г. Народная партия Испании не смогла сохранить свои властные позиции. Им на смену пришли социалисты, за которых про-

голосовала даже обычно пассивная в политическом плане испанская молодёжь. В первый же день своего правления социалисты начали вывод испанского контингента из Ирака и старались более не обманывать население Испании, так как это сделали представители Народной партии. Таким образом, массовые движения при поддержке цифровых технологий приобретают реальную контрвласть, способную сместить с правящих позиций официальную власть, как показали события в Мадриде в 2004 году.

Движение BLM является современной попыткой темнокожего населения защитить свои права и противостоять расовой дискриминации с помощью развёртывания онлайн и оффлайн акций по всей стране с использованием социальных сетей и СМИ. Рассмотрим движение с точки зрения его онлайн и оффлайн активности. Данное движение зародилось как цифровое сообщество с использованием хэштега #BLM. «Хотя данный тег стал знаменитым уже после того, как он был использован в качестве лозунга на маршах протеста, последовавших за смертью Майкла Брауна в Фергюсоне в августе 2014 года, он возник за год до этого в июле 2013 г., когда Джордж Циммерман был оправдан за убийство второй степени тяжести Трейвона Мартина, семнадцатилетнего афроамериканца в Сэнфорде, штат Калифорния» [Robles-Morales 2019: 89]. Одна из будущих создательниц движения – Алисия Гарза, увидела информацию об убийстве чернокожего подростка белым полицейским и разместила у себя в экаунте пост на Facebook: «Чёрные люди. Я люблю вас. Я люблю нас. Наши жизни имеют значение» [How Patrisse Cullors... б/г]. Далее Патрисия Каллорс перефразировала данное послание, используя хэштег #BlackLivesMatter (#BLM). Чуть позже Каллорс и Гарза решили создать движение #BLM, которое должно было объединить всех людей, которых волнуют нарушения прав афроамериканцев. Некоторое время спустя к ним присоединилась Опал Томети, предложив создать цифровую платформу для проекта. Она стала отвечать за дигитализацию данного движения.

Информация о нарушении прав чернокожего населения США, их жестокого убийства белыми полицейскими периодически продолжали появляться в СМИ. Это и убийство Майкла Брауна в Фергюсоне в 2014 г., и убийство Джорджа Флойда в Миннеаполисе в 2020 году, а также серия менее резонансных случаев.

В момент своего появления хэштег #BLM не был столь популярен, как он стал впоследствии, т.е. в 2014 г. «После смерти Гарнера, в июле, он распространился немного больше и был использован в 398 сообщениях в Твиттере. Только после событий в Фергюсоне, он стал вирусным, будучи использованным 52 288 раз в августе 2014 года» [Hashtags in the 'Real' World... б/г]. Данный хэштег приобрёл невиданную популярность в сети, и с тех пор использовался для мобилизации населения в случае жестокого обращения с афроамериканцами и их дискриминации.

После успешной мобилизации в 2014 г. Гарза, Каллорс и Томети решили превратить BLM в общественное движение, имеющее чёткую организационную структуру и представительства в разных городах США. Движение приобрело широкий размах, привлекая на свою сторону не только чернокожее население, но и жителей других рас в США, что показали массовые протесты после убийства Джорджа Флойда в 2020 г. Люди получили возможность высказываться, демонстрировать своё неприятие нарушения прав человека, получая информацию либо в социальной сети, либо из офиса движения.

BLM взаимосвязано с другими общественными движениями США, например, ЛГБТ. Эти движения поддерживают друг друга, тем самым расширяя базу участников за счёт сторонников друг друга. Также движение BLM имеет финансовую поддержку как от селебрити (Бейонсе, Селена Миллер, Кэти Пери, Канье Уэст), так и за счёт продажи сувенирной продукции.

После событий в Фергюссоне в 2014 году #BLM привлёк внимание общественности в США и мотивировал жителей Америки добиваться защиты прав чернокожего населения. В отличие от протестов в Мадриде, это движение не привело к смене власти, но по своему размаху оно фактически представляет собой контрвласть в США, привлекая внимание политиков к проблемам расовой дискриминации.

Заключение

Таким образом, на смену индустриального общества, ограниченного национальными границами и с характерной вертикальной структурой властных отношений, пришло цифровое общество, в основе которого лежат информационно-коммуникационные технологии и социальные сети. Это общество вышло за пределы границ национального государства и исторических идентичностей. У него нет общей властной элиты и космополитической гражданственности. В нём господствует власть сети и сетесозидающие силы. Однако национальное государство также не исчезло, продолжая осуществлять своё доминирование с использованием дисциплинарного дискурса или угрозы применения насилия. Но с появлением цифрового общества власть национального государства ослабла, также как и легитимность принимаемых им решений. Однако те государства, у которых есть глобальные цифровые платформы и возможность с их помощью контролировать Интернет, вышли на уровень транснационального империализма. В данном случае речь идёт о массмедийном господстве США, чьи цифровые платформы (Google, Amazon, Facebook) занимают ведущие строчки рейтинга RDR. Информационно-коммуникационные технологии делают возможность существования параллельной контрвласти, выраженной в деятельности общественных движений, использующих социальные сети для мобилизации своих последователей.

2020 Ranking Digital Rights... б/г. *2020 Ranking Digital Rights Corporate Accountability Index*. – Доступно: <https://rankingdigitalrights.org/index2020/>. – Проверено: 31.01.2022.

Haggart B., Keller C.I. 2021. Democratic legitimacy in global platform governance – *Telecommunication Policy*. – Vol. 45 – No. 6. – P. 1-17.

Hartnett S.J. 2004. Google and the “Twisted Cyber Spy” affair: US–Chinese communication in an age of globalization. – *Quarterly Journal of Speech*. – Vol. 97 – № 4. – P. 411–434.

Hashtags in the ‘Real’ World... б/г. *Hashtags in the ‘Real’ World: How #BlackLivesMatter Changed Activism*. – Доступно: <https://www.nyu.edu/about/news-publications/news/2016/april/charlton-mcilwain-on-black-lives-matter.html> – Проверено: 04.02.2022.

How Patrisse Cullors... б/г *How Patrisse Cullors, Alicia Garza and Opal Tometi Created the Black Lives Matter Movement* – Доступно: <https://www.biography.com/news/patrisse-cullors-alicia-garza-opal-tometi-black-lives-matters-origins>. – Проверено: 04.02.2022.

Jin D.Y. 2015. *Digital Platforms, Imperialism and Political Culture*. – New York: Routledge. 193 p.

Pantitch L., Gindin S. 2004. Global Capitalism and American Empire. – *Social Register*. – Vol. 40. – No. 1. – P. 1–38.

Robles-Morales J.M., Cordoba-Hernandez A.M. 2019. *Digital Political Participation, Social Networks and Big Data: Disintermediation in the Era of Web 2.0*. – Cham: Palgrave Macmillan. – 152 p.

Schiller N.G. 2005. Transnational social fields and imperialism: Bringing a theory of power to Transnational Studies. – *Anthropological theory*. – Vol. 5. – Issue 4. – P. 439–461.

Weber M. 1978. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*. – Berkley. – 1712 p.

Добринская Д.Е. 2021. Что такое цифровое общество? – *Социология науки и технологий*. – Том. 12. – № 2. – С. 112–129.

Кастельс М. 2020. *Власть коммуникации*. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 591 с.

Федеральный закон... 2019. Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». – *Российская газета*. – 07.05.2019. – Доступно: <https://rg.ru/2019/05/07/fz90-dok.html> – Проверено: 24.01.2022.

Фуко М. 2000. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. – М.: Ад Маргинем. – 416 с.